

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), член Союза писателей Беларуси (Минское отделение), член Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игоря Николаевича Григорьева (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) и оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и альманахах: «Литературная учёба», «Наш современник», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Акно» (Минск), «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки», «Берега» (Калининград), «Александръ» (Мичуринск), «Симбирск», «Петербургская литература», «Территория слова» (ЛНР), «Крылья» (ЛНР) и др. Участница многих коллективных сборников. Автор 16 книг поэзии, прозы и публицистики.

Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т. ч. «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель Серебряного Витязя в номинации «Публицистика» (2019)) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

КРЕМЕНЬ

Повесть

(Начало)

ГЛАВА 1

ДОЖДЬ ЗА ОКНОМ

Хитько растерянно прижимал к уху телефонную трубку, из которой неслись монотонно-равнодушные гудки. Разговор прервался внезапно. Невестка вдруг разрыдалась и отключила мобильник. Обсуждали обстрелы украинской армией Луганской и Донецкой Народных Республик. Там снова погибли дети. В далёкой московской квартире Ира плакала по измученным украинскими нацистами мирным жителям Донбасса, которые за восемь лет после киевского майдана уже привыкли к бомбёжкам, разрушениям, нехватке продовольствия, отсутствию света, воды, отопления, но не могли привыкнуть к смерти детей.

Здесь же, в Витебске, он, Иван Павлович Хитько, заслуженный человек, доцент, известный художник-дизайнер, держал неумолкающе плачущую трубку дрожащей рукой, словно это был взрывной часовой механизм, и шептал побелевшими губами:

– Отродье бандеровское! Фашистское отродье!

Гибель людей, чудовищные издевательства над пленными, бессмысленные попытки над теми, кто думал и говорил по-русски, кто не мог произнести украинское слово «паляница», превратившееся в пароль для определения «свой – чужой», стали реальностью на земле, которая недавно была его, советской, своей. Как это принять и не помутиться разумом?

...Трёхлетний Ванюша то волочился по дому за мамой, крепко вцепившись в её цветастое платье, то, обхватив ручонками папину ногу, повисал на ней, мешая отцу собираться. Павел Ефремович не сердился, не пытался оторвать малыша от себя, так и переходил из комнаты в комнату, от печки

к столу, осторожно приподнимая ногу, чтобы сынок не свалился, не ушибся. Откуда было знать не-смьшлѣньшу, что папка собирается на фронт, потому что началась война. Скоро выйдет со двора, оглянется прощально на новый дом, который поставил в тридцать девятом, и вместе с мужиками-призывниками отправится из Дуброво в Городок, а там – куда пошлют.

Старшая Антонина цедила через марлю парное молоко, переливая его тонкой струйкой из до-ѣнки в глиняный горлачик, и тоскливо поглядывала на отца. В свои одиннадцать она понимала на-много больше Ваниного, оттого сердечко колотилось тревожно, а глаза щипало, будто от лука. Тоня сердилась на себя, потому что папа уже обнадежил и мать, и её: мол, война быстро закончится, он непременно вернѣтся живой и невредимый, а слѣзы лить – только зрение портить. Но что-то внутри её никак не хотело слушаться и всё норовило взорваться, излиться солѣной горечью.

Ефросинья Ивановна хлопотливо сновала от стола за занавеску, где рядом с кроватью громоздился сундук с одеждой и бельѣм, потом к шкафчику с продуктами, выскакивала в коридор, гремела там вѣдрами, зачем-то заглянула даже в сарай, а вернувшись, вдруг отчаянно взмахнула руками, бессильно опустила на лавку и жалостливым взглядом впиалась в Павла:

– Как же мы без тебя?

Он подхватил Ванюшку, посадил к ней на колени, приказал твѣрдо:

– Сказал же, побѣм немца, возвернусь. Скоро! Ты, Фрося, детей сбереги и мать мою не оставь. Совсем слабая стала, как похоронила батю и брата моего Ивана. Тиф людей скопил – войны не надо... Слава богу, что Ванюшу нашего не тронул. Даже чудно...

Не сводя с мужа глаз, Ефросинья Ивановна крепко прижала к себе сыночка и согласно кивнула.

– Вот, сказал же! Памеж тифозных мальчонка ползал, да не захворал. Сдюжил!

Ловя каждое его слово, она снова с готовностью кивнула, хотя совсем не понимала, к чему Па-вел – про тиф.

– Смертоносная болезнь эта. Да не каждого со света сводит. Так и война. Хоть и убийство, да не все погибают. И я сдюжу! Батя-то мой, Ефрем Николаевич, церковным старостой был, стало быть, молитвенник, поди, выпросит у Бога...

Без отца хата осиротела. Стало зябко, неудобно. К вечеру поднялся ветер и протяжно, надрывно завыл в трубе, словно кто-то злобный и страшный пытался ворваться в горницу. Ваня натянул одеяло на голову, прижался к маме:

– Папа на фронт?

– Да, сынок.

– А что это?

– Война.

– Что такое война?

– Немцы придут, стрелять будут.

– А мы что сделаем?

Ефросинья Ивановна задумалась: действительно, что?

– В лесу спрячемся, – решила и, погладив малыша по белобрысой головке, чмокнула в лобик. – Спи, маленький, не бойся, наш папа немцев прогонит!

На хутор уже опустилась густая темень. Раскачиваясь под порывами ветра, тревожно шумели де-ревья. Неожиданно в окно что-то звонко ударило, словно горстью града, и оно откликнулось: стекло звякнуло, тоненько зазвенело. Ефросинья Ивановна вздрогнула, прислушалась, но дождь застучал дробненько, ритмично.

– Такой до утра будет лить, – вздохнула устало.

...Туп-туп-туп... Надавливая ногой на педаль, Феодосия Анисимовна, мама Фроси, мерно, в такт дождику, раскручивает колесо прялки и ловко тянет из кудели ровницу, скручивает её в нить. Пряжа из-под её рук выходит отменная, на загляденье. Мать ласково посматривает на дочку, которая усерд-ствует рядом – колдует у кросен:

– Старайся, дочушка, старайся! Как шерстяная нитка закончится, скажи, ещё добавлю. Таких поясов, какие у нас в роду ткут, никто больше не сработает. Все женихи – твои!

Девочка передѣрнула плечиками, возмущѣнно блеснула глазѣнками:

– Вот ещё! Дурочка, что ли, замуж идти?

– Я и сама тебя никому не отдам, – еле сдерживая смех, с серьёзным видом отвечает Феодосья Анисимовна. – Разве только Павлику соседскому? Ему годика три было, когда в люльке тебя качал да приговаривал: «Не плачь, Тотенька, я на тебе зенюсь!»

– Пашке Хитько? – вспыхнула Фрося. – Какой же он жених? Это же просто Пашка!

– Да ты работай, работай, челнок перекидывай, утók правильно заряжай, а то узор спутаешь. Чем длиннее пояс, тем мастеровитее девица, тем крепче семья. Пока ткать будешь, и женихи твои подрастут, и ты из маленькой дурёхи в невесту превратишься, – улыбаясь, мама останавливает колесо прялки. Приподнимается, медленно потягиваясь, слегка прогибается в пояснице, нежно поглаживает заметно выпирающий живот. Фрося смотрит на него с опаской: какой-то странный он, растёт быстро. Она ещё не знает, не догадывается, что вот-вот появится на свет её младшая сестрёнка Нина.

А на дворе всё льёт и льёт. Дождь остервенело ударяется в стекло и стекает вниз широкими ручьями, смывая всё, что можно было рассмотреть в окно: тропинки, скамейки, деревья, калитку, соседний дом. И мамино лицо, глаза, волосы...

– Мамочка, – стонет Фрося, пытаясь схватить её руку, но пальцы бессильно соскальзывают, и сквозь них струится холодная вода.

– Нет у нас больше мамки, – слышит девочка глухой голос отца и видит, как по его потемневшему лицу скатывается дождь.

Скрежещут давно не смазанные петли, распахиваясь, громко вскрикивает входная дверь. Фрося испуганно опускает голову, но успевает заметить, как огромные грязные сапожищи вырастают на пороге.

– Кравченко? Иван Герасимович? – притопывая, грозно вопрошают они, а мутная, маслянистая лужица дождливой ртутью собирается на полу.

– Колхозы ему не нравятся! Вишь, что удумал: хозяин-единоличник государству больше пользы принесёт! – скрипят чужие сапоги, прохаживаясь по комнате и помечая пол грязными, мокрыми пятнами. – Вот в Соликамске, на лесоповале, и будешь единолично пользу приносить!

Снова заскрежетали железные петли, больно вскрикнула входная дверь, скрывая за собой отца и страшные сапожищи. И уже не разобрать: то ли это они всё ещё злорадно шаркают в сенях, то ли ветер воет, врываясь в дом...

– Сюда, сюда! – прячась от дождя под стрехой, зовёт, тянет за руку Паша Хитько.

Фрося, тоненькая, нежная, светлая, как пасхальная вербочка, тоже прижимается к стене. Мокрое платье липнет к ногам, спине, упругой груди – холод дрожью пробегает по телу.

– Аж посинела! – пугается Паша и порывисто обнимает девушку, чтобы согреть. Но тут же смущённо опускает руки: – Прости!

Она не отталкивает его, лишь стыдливо отводит глаза.

– Вот, сказал же! – сердится на себя Павел и вдруг хватает Фросю за плечи: – Сватать буду, пойдёшь?

– Я уже пояс выткала. Тебе... Длинный-длинный! Повяжу – мой навеки будешь! – прошептала и зарумянилась так, словно жаром обдало. И затрепетала вся, только совсем не от холода.

– Пояс? Узоров в нём сколько? – хитро щурится Павел.

– Не считала, – удивляется вопросу новоявленная невеста, а в глазах у неё отражается, вспыхивает выглянувшее из-за туч солнышко.

Паша жмурится и, загадочно улыбаясь, шепчет:

– Зря не считала. Моей маме пояс ткать бабушка помогала, двенадцать узоров выткала и предупредила, что в них для неё загадка зашифрована, которую только время разгадает.

Девушка замерла, словно ждала чуда.

– Двенадцать деток у мамы народилось! – объявил торжественно и нежно коснулся губами Фросиных волос.

Она залилась краской, но не отвернулась, только спросила чуть слышно:

– Любишь меня?

Павел молчал. Испуганно подняла глаза, а суженого рядом нет! Как и не было... Закричала отчаянно – голоса не слышно, будто кто в ватный кокон её поместил...

Проснулась в поту. За окном шумит, бьётся в стекло дождь, словно на постой просится. «Боже мой, это ж война, война!» – метнулась с кровати, достала из шкафа, сработанного мастеравыми руками Павла, бабушкину иконку Николая Чудотворца.

Уже светало, когда пробудившийся Ванюшка вывел её из молитвенного забытья:

– Мама, мама-а-а!

Ефросинья Ивановна поднялась с колен и только теперь заметила, что дождь затих, умытое солнышко привычно začínает новый летний день, в хлеву подаёт голос бурёнка, ей вторит соседская, вот и петух уже возвестил рассвет. Только мужниных шагов не слышно... Война!

ГЛАВА 2

СПЕЦОПЕРАЦИЯ

В кране шумела вода, позвякивали чашки, дребезжали ложечки. Привычно убирая после завтрака на кухне, Анна Нифантьевна не сразу услышала взволнованный голос мужа:

– Новости передают!

– Что там ещё? – буркнула, не желая отрываться от дел.

Иван Павлович уже стоял в дверях. Широко открытые глаза горели, неожиданный румянец выдавал крайнее возбуждение:

– Неужели это случилось?

Жена испуганно опустила на стул, схватилась за сердце ослабевшей рукой.

– Анечка, Россия спасает Донбасс! Спецоперация!

– Господи! – вдруг перекрестилась Анна Нифантьевна. – Люди ж там спасения с две тысячи четырнадцатого ждали! А то ведь «незалежная» на своих, на мирных – танки! Разве кто подумать мог? Разве возможно было представить? – она побледнела. – За что? За то, что не забыли – русские они! Мало ли что Ленин со Сталиным взяли да и причислили Донбасс к Украине. Причина была: укрепить людьми надёжными, ведь в западной стороне народ разбойничал нешуточно... И вот они, донбассцы, не побоялись, на новоявленных фашистов с оружием встали...

– Так верили же – Россия к себе заберёт, как Крым, Севастополь. Ох, ликовал тогда народ! – подержал Иван Павлович, торопливо доставая с полки пузырьёк с валерианой. – Прими, Анечка, поберегись.

– Ваня, моё же детство там, в Ясиноватой! А её все восемь лет расстреливали! – виновато вскинула покрасневшие глаза на мужа, протягивающего ложечку с каплями.

Он прижал к груди седую голову жены, коснулся губами мягких волос:

– Помню, родная моя. И что тесть Нифантий Григорьевич воевал за Крым и Севастополь, не забыл. Бывало, ударится в воспоминания – и про то, как Западную Беларусь освобождал в тридцать девятом, и про финскую, где помощником пулемётчика в немыслимые морозы. Солдатики-то напьются для сугрева, а он на дух не переносил. Может, потому жив остался.

– А в Отечественную от ранения и трезвость не уберегла, – перебила Анна Нифантьевна. – Шестнадцать осколков! В бахчисарайском госпитале ногу отнять хотели. Не позволил.

– Так война же, не прогулка. Главное, выжил. И прожил девяносто пять! Каждому бы так, – задумчиво подытожил Иван Павлович, закрывая кран, но тут же сморщился от ноющей боли в суставах пальцев.

Из-за неё, проклятой, без любимого дела иной раз тоска одолевала. Его мастеравитые руки чувствовали, любили дерево, и оно отзывалось, превращаясь в подлинные произведения искусства. Куда ни глянь, везде хитковский труд. В белорусских музеях, на предприятиях, в учебных заведениях, в парках и на детских площадках. Про собственную дачу да квартиру и говорить нечего. Иван Павлович вздохнул, энергично потрянул руками, будто хотел сбросить с пальцев досадное, изнуряюще-болезненное нытьё, и неожиданно снова улыбнулся:

– Кремень был отец твой, ведь столько лет от боли мучился, но везде был впереди всех! Ноги покалечены, осколки во всём теле... Он же носил их в себе до самой смерти. Однажды в бане спину ему тру, а он стонет: «Ой-ё-ёй, не жми! Ой, болюча!» Гляжу, а у него из бедра железка торчит! Ну,

я и выдернул. А Григорич? С утра уже с косой! Пока мы с тобой десятые сны досматривали, он по росе – весь участок.

От Анны Нифантьевны не ускользнуло болезненное движение мужниных рук, потому теперь уже она шуршала пакетиками и коробочками в аптечке. Прищурившись, прочитала название тьюбика:

– Вот мазь тебе купила. Мощная, даже лошадям помогает. Неужто твоим рукам не полегчает? – и принялась сама втирать в его пальцы лекарство, которое по совету соседки приобрела в ветеринарной аптеке.

– Ну, если лошадям, – покорно подчинился Иван Павлович, – только я больше не коня напоминаю, а клячу.

– Не прибедняйся. Скоро на дачу галопом поскачешь! – обнадеживая, звонко засмеялась.

– Ага. Куда ж мне деваться, если оседлала? Вся в отца. Помнишь, как он сучья рубил, когда ты от него косу спрятала? «Где моя коса?» – «Не знаю! Отдохнул бы ты, папа, ноги пожалел!» А Григорич чуть не плачет: «Не могу без работы!» Смотрим, он перед пеньком – на коленках! Топориком машет, хворост рубит... Кремень!

– Не пил, не курил. Войну прошёл. Поколение такое, кремневое. Победители!

– Мы с тобой тоже – войну.

...Только хлопнула входная дверь за мамой, сестрёнкой и бабой Любой, которые ещё вчера обговаривали, что с утра, если погоду Бог даст, надо в поле – рожь поспела, как Ванюшка воробышком выпорхнул с печи во двор и шмыгнул в сарай. Окунулся в сумрак, пропитанный прохладным запахом свежего сена, и замер, пока глаза после яркого утреннего солнца привыкали к резкой перемене. Из узкого окошка под самой крышей луч света проникал внутрь помещения; в его потоке, словно в невесомости, медленно кружились-плавали золотые пылинки. Это было так сказочно-загадочно, что Ваня забыл, зачем сюда пожаловал. Опомившись, нырнул в сено, которое тотчас зашуршало, словно живое, нащупал под ним шершавую деревяшку и, прижимая её к груди, выскользнул из сарая. Оглянувшись по сторонам, вприпрыжку направился к бане.

По пути заметил камень, повертел в руке и решил прихватить с собой. Накануне дядя Фёдор, старший папин брат, выстругал мальчонке из обрезка доски пистолет. У Вани дух захватило:

– Пах-пах-пах! – целился в невидимого врага. – Когда немцы к нам придут, я их застрелю!

– Если немцы придут, сиди, как мышь, носа не кажи, вояка! – хмуро приказал Фёдор Ефремович. – А игрушку камушком отшлифуй, чтоб руки не занозить. Справишься сам?

– Ага, – обиженно шмыгнул носом Ванюша. Но уже через мгновение засиял: – У Кольки Рогова такого няма! И у Лёньки няма!

Сидя на пеньке за баней, он усердно натирал камнем дуло пистолета, представляя, как соседские мальчишки раскроют рты от удивления, и как потом они вместе будут играть в «войнушку», и, конечно, Ваня всех победит, потому что непременно станет красноармейцем.

Гитлеровцы появились неожиданно. Сначала затарахтели мотоциклы. Но Ванюшка был так далеко от дороги, да ещё заслонённый банной стеной, и так увлёкся игрушкой, размечтался, что не слышал ни непривычных звуков, ни чужой речи. Немцев было немного, человек десять вместе с полицаями, прибывшими на подводах. Они по-хозяйски заходили в хаты, выносили из них всё, что попадалось на глаза, грузили на телеги. Возле дома Хитько задержались. Полицай, юркий мужичок с лисьими глазами, подобострастно кружил перед главным немцем на присогнутых ногах, чтобы даже ростом казаться ниже и уже этим угодить хозяину.

– Вот хата что надо, господин гауптман! – заглядывая в глаза немцу, подскакивал полицай, подобно тому, как пёс, признающий вожакom человека и доказывая преданность, пытается лизнуть его в лицо. – Новенькая! Хлебопекарню для гарнизона здесь развернём. Через окно буханки в машину подавать-отгружать – очень даже удобненько, господин гауптман. Здесь баба с девкой, мальцем и старухой. Так в сарайке поживут, там им и место. А пекарня знатненькая будет!

– Гут, гут! – согласился немец, брезгливо сторонясь полицая.

Издали заметив на дороге клубы пыли, Ефросинья Ивановна приказала дочери и свекрови оставаться в поле, сама же бросилась к дому. «Ванечка!» – сердце колотилось часто, словно пыталось

высвободиться от напряжённой тревоги, какой никогда не было раньше. Молва о немецких непредсказуемых бесчинствах, жестокости давно разнеслась по деревням.

– Добрались, проклятые! – она зло приговаривала на бегу, смахивая заливающий глаза пот.

Чтобы сократить путь, свернула огородами, к бане, и тут увидела Ванюшу, увлечённо натирающего камнем деревянную игрушку. Рухнула на землю рядом, обхватила ослабевшими руками:

– Мальчик мо-о-й! – тяжело дыша, запричитала отрывисто.

От неожиданности Ваня растерялся и даже попытался освободиться из материнских объятий:

– Пусти, задавишь!

– Тихо, тихо, сынок! Немцы услышат, – стремительно прикрыла его рот ладонью.

– Немцы? – ошалело просипел из-под руки Ванюшка. – Стрелять будут?

– А кто знает, что у них на уме? Бережёного Бог бережёт. Сиди тут, не высовывайся.

– А ты? – он испуганно вцепился в рукав материнской кофты.

– Посмотреть надо, что там...

Мать осторожно выглянула из-за бани, отпрянула.

– Тсс! – приложила палец к губам. – Возле хаты они.

– Страшные? – глазёнки у Ванюшки округлились.

– Очень! С автоматами.

– А у меня пистолет! Дядя Фёдор сделал, – осмелел мальчонка. – Я их пах-пах-пах!

– Глупенький, спрячь и не показывай. Разозлишь только...

ГЛАВА 3

«ОЙ, ХТО В ЛИСИ ЧУЕ, НЯХАЙ ПОРЯТУЕ...»

Ещё не закончилась программа новостей, как раздался телефонный звонок. Анна Нифантьевна первая подхватила трубку.

– Мама, вы с отцом у телевизора? Про Украину знаете? – голос у Сергея взволнованно-расстроенный. – Люди гибнут! Простые люди! Ой, не надо было начинать войну.

– Какая ж это война? Главнокомандующий ясно сказал: «Спецоперация!» Освободят, наконец, Луганскую и Донецкую области полностью. Хватит уж над людьми измываться. Демилитаризация и денацификация. Вот!

– Мама! – Раздражаясь, сын повысил голос: – Я тоже не глухой, знаю и про демилитаризацию, и про денацификацию. Но ведь люди гибнут! Одноклассница моя, вернее, с параллельного класса девчонка, которая давно живёт на Украине, под Киевом, написала в Фейсбуке, что она в ужасе! Простые люди. Разве они хотели войны? За что им такие страдания?

В трубке что-то задребезжало, зашипело, и Анна Нифантьевна решила, что связь оборвалась. Но голос Сергея раздался снова:

– Я тебе, мама, даже зачитаю: «У нас в городе в пять утра были взрывы! Не дай тебе бог проснуться от такого! Взрывы в Умани, Буче, Гостомеле. Это рядом с нами! Там наши друзья. У меня подскочило давление, плохо с сердцем, разве можно перенести такие потрясения? С пяти утра не спим. Дочка выстояла огромную очередь в банк, чтобы снять деньги, хотя бы на еду, ведь в магазинах перестали отпускать по банковским картам. А потом она, моя бедняжка, тащила на себе тяжёлые сумки. Я за это время набрала в бутылки пятьдесят литров воды. Мы уже и подвал подготовили: спустили туда ковёр, раскладушку, одежду, еду. Чудом удалось купить немного лекарств: аптеки закрыты. Но в той, что рядом с нами, вышли на работу фармацевты-добровольцы. На людей страшно смотреть, такие несчастные и перепуганные. В магазинах сразу взлетели цены, уже раскупили крупы, хлеб, мясо, колбасу. Я на следующий день отправилась туда сама, взяла самое необходимое из того, что осталось. И деньги в маркете снять с карты успела. Должны были выплатить пенсию, но пока ничего не перечислили. На что жить? Видела по ТВ, как в Киеве раздавали оружие людям, похожим на уголовников. Оружие первым попавшимся – это же ужас! Готовые мародёры! Они могут рассеяться по всей Украине! Страшно выйти на улицу... Все знакомые в Киеве попрятались по бомбоубежищам... Сейчас выступил Кличко по ТВ: с 17–00 вводится комендантский час до восьми утра. Нарушившие будут приравниваться к диверсантам! Значит, ни в аптеку, ни в магазин... Даже если вдруг Россия по-

бедит, то ведь останутся только руины с выжившими, теми, кому повезло, но разоренными, нищими, голодными, полными горя...»

Сын перевёл дух и вскрикнул несчастным голосом:

– Это же война, понимаешь, мама?

– Да где уж мне понять, – тяжело вздохнула Анна Нифантьевна. Перед её глазами мгновенно появилось серое лицо гитлеровца с холодно-злыми глазами: «Den Mund halten!»¹ Она зажмурилась и отчаянно взмахнула рукой, прогоняя страшное видение:

– Не заткнись!

– Ты мне? – опешил Сергей.

Но мать словно не слышала:

– Тревожно на душе, сынок, оттого, что это, возможно, надолго. Ведь когда в сорок первом фашисты пришли, наши думали, что быстро с ними разберутся. А теперь на Украине с такими же фашистами справиться надо. У них и свастика паучья, и злоба звериная. Одно слово – нацисты! Ох, как больно: в одной стране когда-то жили, одним воздухом, по одним учебникам...

– Да при чём тут фашисты? Украина самостоятельная страна, как хотят, так и живут. Зачем было войну начинать? Там же наши люди, и они – гибнут!

– А я вот помню, что ещё при Союзе в западных районах Украины соседи друг друга опасались, потому что знали, кто есть кто: наши или не наши. Не каждую песню можно было громко спеть. Недобитые бандеровцы после сорок пятого мимикрировали – затихли, затаились, проползли на ответственные и руководящие посты. А после майдана головы подняли. Обнаглели до беспредела от власти и безнаказанности. Это ещё хорошо, что наши успели вовремя! Укрофашисты уже ядерным оружием грозили. Донбассу. Ядерным! – Анна Нифантьевна охнула и, передавая трубку мужу, схватилась за сердце.

– Что ж ты матери? – заорал он на сына. – Соображать надо!

– Так ведь я – правду. То, что думаю...

– То, что думаю! – передразнил Иван Павлович. – Упустил я тебя, сынок, упустил. Вроде голова есть, так почему не поймёшь, что НАТО четыре военных бригады планировало разместить на Украине – две сухопутные, одну морскую и одну воздушную, чтобы ядерными боеголовками – по Луганску с Донецком. По России! В декабре ещё Путин об этом узнал. А после Нового года Зеленский, уже не таясь, стал угрожать ядерными ракетами. Наступление планировал на двадцать пятое февраля. Мы опередили всего на один день!

– Папа, но там люди гибнут! – не сдавался Сергей.

– Хватит! – вдруг закричал Хитько. – На Донбассе не гибли все восемь лет? Мелко, сынок, мыслишь. Во время Отечественной, знаешь, кто так же про партизан говорил? Мол, если бы не вы, люди бы не гибли. Предатели и трусы! Которые сами мышью затихорились: моя хата с краю. Только для мышей у врага мышеловок было немерено! Ладно, позже договорим. Дай маму успокоить, совсем ей плохо, – и резко бросил трубку на аппарат.

...Освобождение Донбасса советскими войсками началось после победы на Курской дуге². В это же время шло наступление на Харьков. Вермахт прилагал огромные усилия, чтобы остановить русских. Для удержания Донбасса гитлеровское командование создало укрепленные линии по рекам Северский Донец и Миус – «фронт мести за Сталинград»³. Доты и дзоты, пулемётные гнёзда, минные поля, проводочные и противотанковые заграждения, траншеи, блиндажи, ходы сообщений... В городах, посёлках, деревнях, на командных высотах – узлы обороны, опорные пункты. Вместо разгромленной шестой армии Паулюса была сформирована новая шестая, с такими же номерами соединений и полков. Дополнительно переброшены пятнадцать дивизий, в том числе четыре танковые из Донбасса.

¹ Заткнись! (нем.)

² Самое крупное танковое сражение в истории, одно из ключевых Второй мировой и Великой Отечественной войн (5 июля 1943 г. – 23 августа 1943 г.). В нём участвовали около 2 миллионов человек, 6 тысяч танков, 4 тысячи самолётов. Поражение гитлеровской армии проложило дорогу к великой советской Победе 1945 года.

³ Сталинградская битва (с 17 июля по 18 ноября 1942 года оборонительная операция и с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года наступательная операция) – решающая, крупнейшая сухопутная битва в истории человечества, которая наряду со сражением на Курской дуге стала переломным моментом в ходе военных действий Великой Отечественной войны, в результате которых советские Вооружённые силы вырвали у противника стратегическую инициативу и удерживали её до конца войны.

Однако с каждым днём положение немецко-фашистских войск ухудшалось. И хотя они имели приказ любой ценой удерживать занимаемые рубежи, Красная армия один за другим освобождала донбасские города: Лисичанск, Люботин, Горловку, Артёмовск, Иловайск, Краматорск, Сталино¹, Мариуполь, Волноваха, Барвенково...

Трёхлетняя Анечка ничего этого не знала. Да если бы и знала, то понять, оценить не смогла бы в силу своего малого возраста. Она восседала на узлах с одежками, которые успела ухватить и бросить в тележку мать, когда немцы выгоняли их на улицу. Девочка не видела маминого лица, только спину. Согбенную спину измученной молодой женщины, волочившей тележку с ребёнком – самым дорогим грузом. Рядом шли такие же измождённые люди. Взрослые и дети. Тащили узлы, сумки, чемоданы, тележки... Их спины мельтешили перед Аничкиными глазами и далеко впереди так, что и дороги не было видно. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота, от этого становилось ещё страшнее.

– Пить, – прошептала тихонько, почувствовав, как слиплись губы. – Пить хочу! – потребовала громче.

Мать не оборачивалась. Покачивались спины. Тяжёлые стопы сотен ног утрамбовывали песчаную пыль, но она всё равно взвивалась в воздух жёлтым туманом, забивала ноздри, мешала дышать. Девочка всхлинула и, размазывая слёзы маленькими кулачками, разревелась в голос.

– Den Mund halten! – резкий чужой голос заставил вздрогнуть.

Серое лицо немца глядело на неё усталыми, злыми глазами. И ещё десятки таких же волчьих глаз из-под запylённых пилоток, кепок, фуражек с алюминиевыми орлами и свастикой.

Отступая под упорным натиском советских войск, гитлеровцы гнали в германское рабство женщин и детей, выполняя приказ рейхсфюрера СС Генриха Гимлера: «Добиваться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожжённую и разрушенную страну...»²

Марфа Павловна испуганно метнулась к дочери, чтобы заслонить собой. Ручки тележки стукнулись о землю, один из узелков накренился и пополз вниз, девочка соскользнула следом и тут же оказалась в материнских объятиях.

– Воздух! – неожиданно пронеслось по толпе, которая вдруг качнулась и с тревожными криками стала рассыпаться по сторонам.

Анечка лежала на спине, прикрытая телом матери, и не видела ничего, кроме завораживающей сини неба, в которой клубились белые облака и щурилось яркое солнце. Нарастающий гул смешался с детским плачем, женскими воплями, лаем немецких команд, трескучим кашлем автоматных очередей, заглушая остальные звуки. Материнский голос звучал совсем рядом, но сквозь общий вой девочка, как ни силилась, не могла разобрать слов, кроме одного, которое Марфа Павловна, словно заклиная, повторяла и повторяла: «Бежать!»

Самолёты, сделав круг над дорогой, повернули назад, один из них качнул крыльями, и Анечка отчётливо увидела звёзды.

– Наши! Наши! – задыхаясь от нежданной радости, просипела вдруг севшим голосом Марфа Павловна. Подскочила с земли и, подхватив дочь, бросилась через редкий кустарник к сухой балке.

На дороге в панике беспорядочно отстреливались фашисты, но краснозвёздные самолёты, сделав разворот, снова прижимали их к земле, давая возможность женщинам и детям дальше убежать от дороги.

– А вы бейте фашистских гадов, родненькие, бейте! – прислушиваясь к гулу и немецкой стрельбе, разрешительно шептала Марфа Павловна и глубже зарывалась в сухой песок.

¹ 9 ноября 1961 года город Сталино переименован в Донецк.

² В ходе военных действий на территории Украины погибло около трех миллионов советских воинов, свыше двух миллионов украинцев были вывезены для принудительного труда в Германию во время оккупации. Полностью или частично было разрушено свыше 700 городов и 28 тысяч сёл, около 10 миллионов людей осталось без крова, уничтожено свыше 16 тысяч промышленных предприятий.

Анечке же виделось, как мама смело придавила рогатиной к земле ядовитую змею в огороде: «Бейте гадов, родненькие, бейте!»

– Ни в какую Германию мы с тобой не пойдём, донька! Спрячемся!

Короткие сумерки быстро сменились пронзительной тьмой. Она обволакивала кусты, дорогу, тела убитых немцев, дышала холодом. Марфа Павловна сняла кофту, укутала задремавшую Анечку и, уложив её на песчаное ложе, осторожно выползла из оврага. Тихо. Лишь без умолку стрекочут кузнечики да изредка вскрикивает ночная птица. От этого тишина становится ещё более властной и тонкозвонкой. Словно нет войны. «Подожду до рассвета и – домой! Хорошо бы тележку отыскать...»

Тележка, целёхонькая, валялась в кювете вверх колёсами. Марфа Павловна тащила её по вздыбленной разрывами дороге, спотыкаясь о засохшие комья глины. Пот крупными каплями катился по багровому от напряжения лицу. Шла торопко, почти бежала, не замечая усталости, не чувствуя боли в натёртых башмаками ногах.

Крепко держась ручонками за борта тележки, Анечка, по-детски смешно шепелявя, громко выводила вздрагивающим на ухабах голоском песенный припев:

– Ой, ти, Галю, Галю молодая, пидманули Галю, забрали с собою. Ой, ти, Галю, Галю молодая, пидманули Галю, забрали с собою...

– А дальше не помнишь? – улыбнулась Марфа Павловна и в полголоса затянула: – Ой, хто в лиси чуе, нехай порятуе, а хто дочок мае – нехай научае...

Ясиноватую освободили седьмого сентября сорок третьего. К пятнадцатому Юго-западный и Южный фронты вышли на линию Лозовая, Чаплино, Гуляй-Поле, Таганрогский залив...

ГЛАВА 4

СПУЩЕННЫЕ КОЛЁСА

Иван Павлович распахнул железные ворота, прищурился. После яркого света глаза отказывались различать предметы в сумраке тесного гаража. Щёлкнул выключателем, однако натужное сияние лампочки не помогло. Смирненно вздохнув, вытянул вперёд руки, наощупь двинулся к своей старенькой «лошадке».

За тягучие зимние месяцы «Opel Corsa» заждался хозяина, соскучился по шоссейной ивановской дороге, которая бежит через Большое Кашо. Он знает, если перед самой деревней свернуть вправо, в сторону озера, то по заросшей травой грунтовке можно докатить до хитьковского домика-дачи. У калитки, будто опознавательные знаки, важно почивают огромные валуны, вдоль забора высятся берёзы, ели, липы, дубы, уже очень давно высаженные Иваном Павловичем и Анной Нифантьевной. Да и без деревьев нетрудно определить хату художника – резные наличники, деревянные украшения с ходу бросаются в глаза.

Хитько повернул ключ в замке зажигания, машина с готовностью поднатужилась, кашлянула и мерно загудела.

– Жива старушка! – довольно крякнул хозяин. – Теперь бы к техосмотру подготовиться и – в дорогу!

Покрутил ручку приёмника, прогулялся по радиоволнам и остановился на российских новостях. В гараже стало заметно уютнее, словно в гости заглянул старый приятель, да и сумрак, не выдержав натиска мартовского уличного света, отступил, рассеялся.

– Надо бы масло поменять, пороги подкрасить, – озадачился Иван Павлович и прислушался.

Радио сообщало, что Зеленский отложил намеченные переговоры. Повестка ему не нравится.

А они, эти переговоры, нужны вообще? – закипая, возмутился Хитько. – Кто-то серьёзно верит, что президент Украины сам покончит с бандеровским национализмом и демилитаризуется? Нацики никого слушать не желают! Докучаевск снова обстреляли «Градом». В Николаеве под огонь попал автобус с гражданскими. Из Мариуполя не выпускают мирных, прикрываются ими, как щитом...

– О, сосед объявился! – вытирая руки ветошью, в гараж заглянул бородатый мужик, раза в два моложе Ивана Павловича, владелец дизельного внедорожника «КІА» две тысячи первого года. – Допуск на движение не получил? И я вот готовлюсь к техосмотру. Стучит что-то, как завожусь. Так громыхает, словно движок выскочить хочет.

- Подушку смотрел?
- Павлович, ты прям рентген! Как раз собираюсь проверить.
- Теперь, Толик, с запчастями будет трудно, обложил нас Запад со всех сторон, как медведя.

Санкциями.

– А не бойсь, Павлович, пробьёмся! – бородатый сдвинул набекрень вязаную шапчонку. – Слышал, что творят бандеровцы со своими? К столбу привязывают со спущенными штанами и бьют. Все, кому не лень. За мародёрство. Если с голодухи батон в магазине стянул, например. До смерти забивают. Без суда и следствия. Сам по телику видел.

Хитько помрачнел. Опустился на старый табурет, махнул рукой, указывая на стул:

– Это им привычно. Во время Отечественной националисты из УПА¹ деток к деревьям привязывали... А тебе я рад, рад, что ты – свой, против укронацистов, значит. А то ведь поразделились: «Мы против войны!» А кто за войну? Только как же остановить тех, кто давно уже реально воюет с нами?

С улицы раздался хриловатый окрик:

- Толян, ты куда подевался?
- Погоди, Павлович, меня кличут, – подхватился сосед.

Но в хитьковский гараж уже заглянул обладатель хрипотцы – худосочный парень в рабочей спецовке, с мятым пакетом, через который просвечивала бутылка.

– Во! – он приподнял пакет и показал все свои тридцать два зуба. – А я к тебе! За мир во всём мире поговорить.

– Мы как раз, Лёша, на эту тему с Павловичем...

– Во! – хрипло перебил его парень и надолго закашлялся. – Вы только не пугайтесь, это не ковид². Он уже в прошлом. Сейчас продезинфицируюсь и – никаких проблем! – поспешил успокоить мужиков и, широко улыбаясь, снова приподнял пакет: – За мир во всём мире!

– Отстал от жизни ты, наш молодой друг, – съязвил бородатый. – Война уже всех накрыла!

От этих слов Хитько даже съёжился и, поморщившись, словно от боли, поправил:

- Спецоперация!
- Бросьте, Иван Павлович, это война. С Западом и Америкой!

Алексей решительно определил пакет на стол и, манерно взмахнув рукой, возразил:

– Нет войне! Я против! Вспомните русскую литературу! Великое русское слово поддерживает мою позицию. Пришвин, Паустовский, Рубцов – вот кто научил меня по-настоящему любить Россию! Любить ти-и-и-хо, неприме-е-е-тно. Я дорос до понимания, что война, любая война – это зло, горе, смерть! Пропаганда довела нас до ненависти, до страха, до безумия! Пандемия же показала, как мы разобщены. Вакцинированные ненавидят невакцинированных, готовы их уничтожать, как тараканов, и наоборот! Не безумие ли это? Унижать, оплёвывать, оскорблять и убивать людей за язык, на котором они говорят – это возможно тому, кто принадлежит к человеческой цивилизации? Нет! И что же делать? Я нашёл ответ. Милосердствовать! Да, да! Милосердствовать! Помните «Гражданскую войну» у Максимилиана Волошина?

...А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Вот и я молюсь и за русских воинов, и за украинцев – за детей, женщин, за чужих и родных, чтобы как можно скорее пришёл мир! – И, воздев глаза к гаражному потолку, он рьяно трижды перекрестился.

Иван Павлович и сосед с молчаливым удивлением разглядывали Алексея, словно им явился сам автор стихотворных строк.

Анатолий снова схватился за шапку, натянул её на уши:

– Павлович, давай закроем ворота, сквозит вроде. Холодать стало.

¹ Украинская повстанческая армия – подпольная украинская военная организация в период Второй мировой войны, вооружённое ответвление Организации украинских националистов. Действовала с весны 1943 года.

² Коронавирусная инфекция (COVID-19), вероятнее всего, выведенная искусственным путём.

Хитько громко звякнул задвижкой и, возвращаясь, похлопал Лёшу по плечу:

– Молись, милосердный, дело хорошее. Богоугодное! Молитва, она и в бою помогает. Молись, раз умеешь и душа просит. Но! Не Ослябя ты, не Пересвет¹... Ну, так не всем же! – он кашлянул. – Непротивление злу... Где-то я это уже слышал...

– По-твоему, Лёша, не надо было гасить Чечню, Абхазию, Сирию, Карабах? Это же война! Там стреляют. И даже убивают! – взметнулся Толик. – И сейчас ты считаешь, надо было подождать, когда возьмут Донецк и обстреляют Россию (и Беларусь в придачу!) ракетами с ядерными боеголовками? Ждать, пока нас раздербанят? Главное, чтобы не было войны? Нет, дружок, время пришло встать по левую и по правую стороны – кто есть кто.

Побледневший Алексей отступил в тёмный угол и словно наполовину исчез, только глаза обиженно поблёскивали:

– Да ну вас! Я ж не за фашизм и не за Бандеру. Я за мир! Что вы на меня набросились? Вчера с родственником из Черкасс сцепился, сегодня вы, как коршуны...

– Так у тебя родственник на Украине? Тогда понятно, – улыбнулся Иван Павлович.

– Что вам понятно? – запетушился Алексей, даже голос вдруг прорезался. – Я его не битый час, а целый вечер уговаривал не брать оружие, не ввязываться в боевые действия...

– Ха, – перебил Анатолий, – там же нацики всех подряд вооружают, даже рецидивистов и маньяков из тюрем выпустили. Нашёл, кого уговаривать! А тридцать лет антирусской пропаганды? У них же в головах реальный сумасшедший дом.

– Это точно, – вдруг согласился Алексей, – я ему одно, он мне другое. Хоть в лоб, хоть по лбу! Закончилось тем, что пообещал родственник русню резать, а меня далеко-далеко послал и заблокировал в сетях... Жалко его.

– Жалко. Но мы от них не отворачивались. А теперь поди разберись, кто чем дышит... – Хитько нахмурился. Давние воспоминания внезапно снова накрыли его...

Проснулся Ванюша от дребезга стекла. Окно разлетелось мелкими осколками. Автоматная очередь прошила стену под потолком.

– За печку! Прячьтесь за печку! – скомандовала Ефросинья Ивановна.

За окном топот, приглушённые голоса.

– Не стреляй, дурень! Немцы услышат – не поздоровится, что самовольничаем, – жёстко приказал старший из нагрянувших ночных гостей и, заглянув в окно, зычно гаркнул:

– Хозяева, мы партизаны. За коровой пришли. Открывайте хлеб!

– Не дам! Не дам корову! – выкрикнула Ефросинья Ивановна из-за печи. – Дети у меня! Старуха! Только коровкой и кормимся. По миру без неё пойдём. Не дам!

Старший ухмыльнулся:

– Дура-баба! Молись, чтоб живыми остаться. Мужик твой где?

– А где все мужики, которых призвали? – осмелела женщина.

– Призвали? Так немцы же в Езерище расстреляли их, которые на фронт. Выясняли мы про твоего Павла. Нет его среди мёртвых. И в партизанах нет... И в полициях не числится. Как сквозь землю. Может, схавала где?

– Не ведаю ничего! – голос у Ефросиньи Ивановны дрогнул, она всхлипнула. – С самого начала ни весточки! Сгинул, видать... Не трогайте коровку, смилуйтесь!

Старший сплюнул, процедил сквозь зубы:

– Стёпка, сбивай замок!

Сквозь сон Ванюша чувствовал, как вздрагивают мамины плечи, слышал, как, давя рыдания, она плачет тихонько, чтобы не разбудить его и бабулю, как горько-горько вполголоса сетует на судьбу, зовёт на помощь пропавшего Павла. Видел, как, отзываясь, папка словно вырастает мощной коренастой фигурой из белого тумана над полем и машет, машет ему рукой. Широкая ладонь приближается, отчётливо видны короткие крепкие пальцы. Неожиданно, в одно мгновение, они сворачиваются в здоровенный кукиш, а рука разворачивается в сторону тех, кто уводит хитьковскую бурёнку, и грозит им...

¹ Александр Пересвет и Андрей Ослябя – воины-монахи, причисленные Русской православной церковью к лику святых. День их памяти отмечается 7 (20) сентября.

Чуть рассвело, Ефросинья Ивановна накинула кожух, влезла в валенки, закуталась в большой клетчатый платок и стала будить Ванюшку:

– Сыночек, надо коровку нашу искать. А когда найдём, ты, деточка, заплачь громче, может, они, породы, смилуются, вернут кормилицу.

Шли торопливо, но тяжело, часто проваливаясь в снег. Мать, словно голодная волчица с волчонком, высматривала отпечатавшиеся следы грабителей.

В Дубиково она решительно постучала в крайнюю хату:

– Маруся, подружка, это я, Фрося Хитько!

Хозяйка опасливо огляделась и, убедившись, что чужих глаз не наблюдается, торопливо пропустила гостей в горницу.

– Чего шлындаешь? Не боишься одна? Ентот жа дитёнок тебе не подмога, – остановилась у порога, недоверчиво всматриваясь в школьную подругу. – Чёй-то ты лицом опухшая, зенки красные. Ревела?

– Следы привели, – озадачила Фрося.

– Якие такие следы? – опешила Маруся, даже ноги у неё подкосились. Бухнула на скамью.

– Корову у меня ночью забрали. К вам, в Дубиково, увели. Вернуть хочу.

– Сдурнела! Во сдурнела ты! Забьют жа тябе! И дитё твоё! Закопают, – запрочитала хозяйка, переходя на шёпот. – Тута полицейский гарнизон. А ты – у самое пекла! Вот что. Передохните, согрейтся и – до хаты! Если кто спросит, говори, что наведала родню.

Без коровы перебивались чем бог пошлёт. В схронах ещё была картошка, зерно. Иногда удавалось выменять что-то на молоко и масло. Весной выручали крапивные щи, ошпаренные листья одуванчика, корень дудника...

Тук-тук-тук! К крохотному банному окошку прильнуло лицо незнакомца. Ванюша с ужасом смотрел на него, забившись в угол полка, который для хитьковского семейства служил полатями, потому что банька заменила занятый немцами дом.

Тук-тук-тук... Снова царапнулся в стекло незнакомец и пригрозил:

– Открывайте, а то шпульну!

Баба Люба подтолкнула невестку, крестясь, прошамкала:

– Открой! От греха подальше... Спалюць баню, побьют усих!

– Кого ж это нелёгкая принесла? – соскочила на пол Ефросинья Ивановна.

– Можа партизаны? Хто ещё по ночам шаستاиць? – прошелестела старушка.

Ванюша не сводил глаз со страшного лица, приклеившегося к оконному стеклу. «Разве партизаны такие? Не, это чёрт забрёл к нам с болота. Как в сказке, что бабуля перед сном рассказывала», – думал он, натягивая на себя лоскутное одеяло до самого носа.

Незнакомец осветил баню, чиркнув спичкой. «Ого, спички! – завистливо отметил малыш, вспомнив, как мамка бережёт последний коробок. – А рогов не видно. И хвоста нет. Одежа на нём, не шерсть. Мужик просто. Но чего-то холод от него, глазищи чёрные, ледяные...»

– Давай одеялко! И падуху кидай! – брезгливо поморщившись, приказал незнакомец. – Нищета советская! И глядите мне, чтоб молчок, а то передавлю, как щенков!

Грабитель сверкнул железным зубом, прикрыл дверь и нырнул в ночную темень, мгновенно растворившись в ней, словно и сам состоял из эфирной темноты. Ванюша зябко поёжился, свернулся клубочком, положив голову на тонкую ручонку, но долго не мог уснуть без одеяла и подушки, которые были совсем не эфирные, а самые настоящие, согревали теплом маминых рук, когда-то с любовью сшивших лоскутки и перебравших каждое пёрышко прежде, чем поместить его в насыпку.

– Это бандит? – мальчик прижался к матери.

– Бандит. Но он ушёл и не вернётся. У нас брать больше нечего, – горько улыбнулась Ефросинья Ивановна, обнимая сына.

Ласковое тепло окутало худенькое Ванюшино тельце. Крепкий долгожданный сон скользнул на полати, словно одеялом, незаметно накрыл с головой...

Очнувшись от воспоминаний, Хитько удивлённо огляделся. Толик и Алёшка всё ещё горячо спорили о мире и войне.

– У кого нет родственников да знакомых на Украине, тому не понять, почему я против войны! – уверенно заключил Алексей.

– У кого нет никого на Донбассе, тот не способен почувствовать чужую боль, чтобы встать на защиту с оружием в руках! – возразил Анатолий.

– Ребятки, а я вчера в Интернете случайно попал на ролик 2014 года. Одесса. Тысячи людей идут с российскими флагами, скандируют: «Мы и Россия едины! Наш язык – русский! Не пропустим фашизм!» Жена моя, Нифантьевна, как расплчется! И я, старый дурень, кулаком слёзы тру – решил, что это теперь, сейчас Одесса вышла!

Мужики замолчали. Долго виновато смотрели на вмиг поникшего старика. Толик первым нарушил тишину:

– Ничего, батя, не дрейфь! Задавим мы фашистскую гадину! Ещё жив русский дух и в Донецке, и в Одессе. Колёса, правда, спустили. Как у твоего «Опелька». Так это дело поправимое! Поднакачаем. Если надо, заклеим. А то и новыми заменим.

– Как спустили? – Хитько только сейчас заметил, что у машины действительно спущены задние колёса. – Мне ж самому не перебортировать, – он вытянул вперёд больные руки.

Переглянувшись с Толиком, Алексей ободрил:

– Так поможем! Мы же – вместе! – и, широко улыбнувшись на все тридцать два, кивнул на пакет: – А потом отметим, батя, да? За мир и дружбу между народами!

Иван Павлович вздрогнул:

– Любимый тост моего отца. Слово в слово.

– Во! – обрадовался Лёшка. – Значит, отметим?

Хитько растерянно оглянулся на Анатолия, ища поддержки:

– Вы уж без меня отмечайте. Не употребляю я, ребятки. Давняя история...

Первоклассник Ваня преданно смотрел на верного друга Юрку Михайлова, тщательно пересчитывавшего мелочь, которой под хорошее настроение одарил его отец, начальник вокзала: «На конфеты вам, мальцы! Буфет ещё открыт».

– Каких купим, подушечек или ледяшек? – нетерпеливо ждал решения сладкого вопроса Ванюша.

Юрка завёл глаза вверх, наморщил лоб, мучительно складывая и отнимая в уме копейки, и наконец многозначительно заключил:

– По бокалу пива и по пятьдесят водки!

– Чего? – испугался Ванюша, но любопытство взяло верх.

Местные мужики частенько заглядывали в вокзальный буфет и с наслаждением потягивали запретный для детишек напиток. Жёлто-коричневый, пенящийся, он напоминал и холодный чай, и газированное шипучее сидро одновременно.

Ваня с готовностью отхлебнул из тяжёлого стеклянного бокала и разочарованно сморщился:

– Фу, гадость какая! – с перекошенным лицом выскочил на крыльцо, выплюнул горько-терпкую, вонючую жидкость. Его едва не вырвало.

Юрка вышел следом и, наблюдая за другом, рассмеялся:

– Слабак ты, малой! Уметь надо! – с громким горловым звуком он сделал несколько глотков подряд, смачно причмокнул. – Давай так: мне пиво, тебе – водку!

Пятьдесят граммов прозрачной водицы казались совершенно безобидными. Просто вода!

– Глотай сразу! – учил Юрка. – Видишь, как мужики? Опрокинул – и всё!

...Ваня лежал на кушетке, его обессиленное тело содрогалось от частых рвотных позывов, цепкие спазмы безжалостно скручивали желудок и кишки, методично и гулко стучала в висках нестерпимая боль.

Бесконечно смахивая слёзы, Ефросинья Ивановна то срывалась на крик: «Ах, злодей! Гляди, что удумал! Батяка ремнём из тебя дурь вышибет! Позор-то какой перед людьми-и-и!» То, вынося в очередной раз тазик с блевотиной, горестно причитала: «Помрёт дитя-я-я! Ей-богу, помрёт!»

– С тех пор и не пью! – Иван Павлович поднял на мужиков светлые глаза.

– Ну, ты даёшь прикурить! – удивился Толик.

– А вот курить – никогда не курил. На отца посмотрелся. У нас на печке гора махорки была. Сами табак сеяли, сушили, перетирали – самосад делали. Папка дымил бесконечно. И тоже сам бросил!

Приснилось, что сидит на нём верхом медведь и давит его. На самом деле задыхался! Пошёл к врачу. Так и так, мол, чуть не помер! «Бросай курить, если жить хочешь!» Отец послушался. Дома выкурил последнюю и бросил. Как отрезал!

– Вот это да! – восхищённо присвистнул Алексей. – Но и ты, батя, не промах!

– Да что я... Если честно, то, признаюсь, когда вернулся после учёбы из Ленинграда, отец мне налил и приказал: «За мир и дружбу между народами!» Ослушаться не смог...

– Так за мир же! – радостно перебил Лёшка.

– И? – нетерпеливо ждал Анатолий.

– И снова мать бегала с тазиком... А миру и дружбе выпивка точно не поможет. Я вообще думаю, что сейчас, когда люди, дети, мирные гибнут... Когда фашизм голову поднял... Предательство это – пить! Там каждый час жизни за счастье, а здесь дни свои – пропивать?

Пока меняли колёса хитковскому «Опелю», Алексей сосредоточенно молчал, только иногда вдруг замирал, закрывая глаза, при этом губы его неслышно шевелились. «Молится, что ли?» – поглядывал на него Анатолий и только глубже натягивал на уши шапку.

Прощаясь, Лёшка вдруг смущённо попросил:

– Послушайте, я тут про Одессу...

Жив русский дух в Донецке и Одессе,
И помнят русский Запорожье, Львов...
Славяне мы! Нас Бог слепил из смеси,
В которой вера, правда, честь, любовь.

А дальше обжиг – то одно из правил,
Чтоб закалились телом и душой,
Господь, как глину, нас в огонь отправил,
И нам теперь
со злом не страшен бой.

Вернём же время совести и света,
Святую веру в силу доброты,
И пусть навеки онемеют Meta¹
И НАТО-европейские шуты!

– Ого! Так ты, браток, поэт! – бесхитростно восхитился Анатолий.

– Однако! В спорах раскрываются таланты, – удивлённо покачал головой Иван Павлович. – Глубоко в проблему зришь. Ишь, как мысль твоя повернулась! «Со злом не страшен бой... Вернём же время совести и света...»

– Да ну вас! – смутился Лёша, но глаза засветились радостно, и все его тридцать два браво блеснули на прощанье.

ГЛАВА 5

ВОЛКОВ БОЯТЬСЯ – В ЛЕС НЕ ХОДИТЬ

После двадцать четвёртого февраля жизнь Ивана Павловича резко переменилась. Конечно, он и раньше следил за информацией по Украине, не пропустил и сообщение о признании Россией Луганской и Донецкой республик. «Наконец! Слава богу!» – Не в силах усидеть на месте, вышагивал по квартире и удивлялся, как эта новость совпала с долгожданным признанием истинности Останков Царя Николая Второго и Его Детей. «О, это совсем не рядовое событие, как многим может показаться. Признание святых останков мистически судьбоносно для России! Потому что признание – это покаяние, а через него придёт прощение и мощное воскрешение Руси с постепенным восстановлением её в прежних границах. Многие захотят жить в России, да не всем будет дано, – мысленно он возвра-

¹ Социальная сеть, ранее называвшаяся Facebook (создатель Марк Цукерберг (Mark Zuckerberg), разрешила с 11 марта 2022 года публикацию постов о ненависти к русским.

цался к вековым предсказаниям святых, замирая от осознания грандиозности предстоящих событий, боясь говорить о них вслух, чтобы не спугнуть, не сглазить. – Поживём – увидим!»

Но ощущение мировых исторических перемен уже витало в воздухе, становясь вполне осязаемым. Потому и притягивал к себе сутки напролёт телевизор. Поглядывая на часы, Хитько ждал начала «Вестей» и «60 минут» по РТР, переключал на НТВ – программу «Сегодня» и «Итоги недели», на СТВ – «Военные тайны», на белорусском канале – «Правильную политику», а за полночь слушал политологов в передаче Владимира Соловьёва. В Интернете облюбовал сводки с фронта Юрия Подоляка и Михаила Онуфриенко. Поскольку же Фейсбук вёл с ними непримиримую войну, информация периодически становилась недоступной, что убедительно свидетельствовало о её правдивости. Тогда военные блогеры переселились в ВКонтакте, регулярно выдавая утренние и вечерние сводки о боевых действиях на линии соприкосновения. Кратко, чётко, конкретно, что вполне устраивало Ивана Павловича и, надо сказать, даже успокаивало. Вера в победу крепла. Хотя очень хотелось быстрого развития событий, которые развиваться не спешили.

Все восемь лет противостояния Украина, прячась за Минскими соглашениями¹, использовала выигранное время для превращения приграничной территории в мощные укрепрайоны, которые накачивались оружием и боеприпасами, а западные инструкторы лепили из нациков современных террористов, натравливая их, как немецких овчарок, на русского человека. Но к спецоперации уже подключился бесстрашный чеченский спецназ. Точечными ударами уничтожались военные склады и заводы, нефтебазы, взлётные полосы аэродромов, самолёты и байрактары, зенитные и ракетные установки. Под контроль российских войск были взяты Чернобыльская и Запорожская атомные станции, запущен водный канал в Крым, блокирован Мариуполь.

...Дощатые сходни, переброшенные через рельсы от грузового вагона к товарному перрону, раскачивались при каждом шаге. Огромный тюк плотно спрессованного сена весом сорок килограммов так и норовил нарушить координацию носильщика и сбросить его на землю. Самого же человека из-под тюка и не видно, одни лишь ноги. По башмакам можно догадаться, что принадлежат они Юрке Михайлову. У Хитько же, который росточком меньше этого самого тюка, и ног не видно.

– Много ещё? – проговорило сено Ваниным голосом и закашлялось. От пыли, набившейся в нос и пытавшейся осесть во рту, першило в горле.

– Часов до семи вечера управимся, – едва отдышался тюк над Юркиными башмаками. – Ты решил уже, на что заработанные деньги потратишь? – поинтересовался он и снова закачался над сходнями.

– На Донбасс поеду!

Тюк даже присвистнул и замер, сражённый новостью. Юрка знал, что Тоня Максимова, старшая сестра его друга, уехала с мужем в Макеевку, на металлургический завод, надеясь безбедно обжиться в новом месте. Но Ваня?

Иван же давно мечтал посмотреть своими глазами огромную советскую страну, удивительную, непостижимую. Даже задумал выбрать такую профессию, при которой это будет вполне доступно – как говорится, всё по долгу службы. Но пока учёба в Ленинградском электротехническом училище, после которого можно будет распределиться хоть на край света, только призывно маячила на горизонте, громадный пульман с сеном, разверзнув своё вагонное чрево, обещал реальный заработок, которого вполне хватило бы на поездку в Донбасс. Подрядившись вместе с Михайловым на разгрузку, худенький, но жилистый семиклассник Хитько с раннего утра до дрожи в конечностях, словно тягловая лошадь, таскал и таскал тяжеленные тюки.

Антонина, не ожидавшая внезапного появления младшего брата, обрадовалась так, словно выиграла по облигации. После жарких родственных объятий, застолья и разговоров объявила безапелляционно-решительно:

---

¹ Соглашения, подписанные контактной группой, состоящей из представителей Украины, России и непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик (согласованные с руководителями Германии, Франции, Украины и России в формате «нормандской четвёрки») 5 сентября 2014 года и 11–12 февраля 2015 года в Минске с целью деэскалации вооружённого конфликта на востоке Украины, в частности, прекращения огня на территории Донецкой и Луганской областей Украины.

– С коляской мне теперь поможешь! А то её с третьего этажа, да опять на третий, да с ребёночком на руках... Замучилась! Мой-то Толик, чуть забрезжит, уже на ногах – на завод. Помощи от него, считай, никакой. Вот я одна и перебиваюсь. – И, громко чмокнув Ваню в щёку, словно маленького, счастливо улыбнулась.

Прогуливаясь по улочкам Макеевки, Иван катил коляску с племянником и замороженно крутил головой, разглядывая пирамиды терриконов, которые, будто ожившие вулканы, окружили город, дымя, вспыхивая одиночными языками пламени на крутых глеевых боках. Ветер подхватывал дымящиеся струи, гнал их вниз, и они, цепляясь за острые осколки породы, сползали мутной рваной пеленой, затмевая глубинную синь неба, подменяя её невзрачным, мутным, поганково бледно-серым. Иногда порывы ветра вместе с паром и жёлто-зелёными дымами заводских печей доносили тошнотворный серный дух, так что и слезу из глаз выгоняло против воли. Даже здания несли на себе слой специфического налёта. А деревья, листва которых должна была служить естественным воздушным фильтром, казалось, сами задыхались, изнемогая от зноя, дыма, газа, давно позабыв о первозданной изумрудной свежести.

Но люди, встречающиеся Ивану, точно не замечали того, что так его поразило. Именно шахты и огромный завод, территория которого протянулась более чем на десяток километров, были смыслом жизни обитателей Макеевки, их гордостью и надеждой всей страны. Один из самых крупных металлургических заводов Советского Союза, с самой крупной доменной печью на Донбассе, с полным металлургическим циклом.

Улочка, на которой жила Антонина и по которой прогуливался Иван, то карабкалась вверх, то устремлялась вниз, и тогда коляска с малышом норовила вырваться из рук и скатиться, набирая скорость, словно пустая вагонетка с дымящегося террикона. Пытаясь удержать доверенное ему средство передвижения с шестимесячным племянником на борту, Хитько вскочил на колёсную раму. Отяжелев, коляска, однако, не затормозила, а лишь замедлила движение, продолжая грузно катиться вниз. Ваня летел вместе с ней. Ветер лихо посвистывал в его оттопыренных ушах, мимо, отскакивая в стороны, проносились прохожие, испуганно шелестели пыльной листвой деревья, укоризненно смотрели мутные окна домов. Ребёнок безмятежно спал.

– Ух ты-ы-ы! – протяжное восхищение вырвалось из мальчишечьей груди и тут же переросло в громкий отчаянный вопль.

Правое колесо, споткнувшись о камень, неожиданно покинуло шасси на полном ходу. Коляска подскочила, перевернулась, спеленатый малыш катапультировался в придорожный песок, а Хитько со всего размаха шлёпнулся в едкую жёлто-серую пыль.

Убедившись, что ребёночек жив и невредим, лишь слегка покраснели его лобик и щёчки, царапнутые мелкозернистыми дорожными камешками, Антонина переключилась на брата, за которого, по старшинству, всегда чувствовала ответственность:

– Как такое удумать мог? Семь классов уже, а ума, словно у котёнка. Сам-то не ушибся? Локти зелёной помажь, чтобы ранки не загноились. Что я родителям скажу? – протянула пузырёк с бриллиантовой зеленью.

Иван отмахнулся:

– Вот ещё! И так заживёт.

Сестрёнка лишь тяжело вздохнула. Ещё с братишкиного малолетства у неё с матерью за него нескончаемые переживания...

– Закрой ты его в подвале! – причитая, умоляла Ефросинья Ивановна начальника Бычихинской железнодорожной станции. – Сил моих больше нет с этим неслухом! Вытворит ведь что-нибудь – без головы останется!

В Бычиху железнодорожников эвакуировали, когда началось освобождение Витебска. Михайловы поселились в немецком бетонном бункере, Хитько – в земляном. Юрка с Ваней, незамедлительно, в первый же день, обследовали близлежащую территорию. Оружие лежало прямо под ногами, вдоль бруствера, сооружённого немцами. Ящики патронов, гранат, винтовки и пистолеты, даже мины... В Городке мальчишки тоже раскручивали противотанковые, собирали тол, чтобы потом глушить рыбу. Для этого маленький Хитько усаживался на мину сверху, а Юрка крутил, вполне умело, со знанием дела. Однажды, ползая по траншеям, Ваня потянул за торчавшую из земли плащ-палатку и стал об-

ладателем автомата с круглым многозарядным диском. Однако хозяйничал недолго. Михайлов, как старший по возрасту (на целых три года!), предложил обменять на однозарядный карабин.

– По справедливости! – хитро щуря глаза, уточнил он. – Айда стрелять!

Пока Ваня открыл затвор, оттянул, выбросил гильзу и зарядил патрон, Юрка успел ударить трескучей очередью по ивовым кустам. Обломанные ветки и листовенная каша взметнулись веером, густо рассыпались, разлетевшись далеко в стороны. С вокзальных тополей рванули в небо перепуганные вороны и, кружа над деревней точно самолёты, картаво заорали, призывая на помощь: «Карр-раул! Карр-раул! Карр-раул! Карр-раул!»

– Стреляют! – заполошно закричали бабы. – Няужò немцы возвернулись?

– Бежим! – спрятавшись за бруствер, скомандовал Юрка.

Ефросинья Ивановна не шутила, когда слёзно просила запереть сына в подвале. Надеялась, что там, в компании крыс и мышей, он беды точно не сотворит, будет у него время поразмыслить, одуматься.

– Давеча-то, – убеждала начальника, – ящик «лимонок» на берег приволок с Юркой, рыбу вдвоём глушили, пока не надоело. Потом просто так швыряли гранаты, куда придётся. Окрест всю землю вспороли! А если руки-ноги оторвёт? Или головы лишатся?

– Или кого другого головы лишат! – поддался начальник, накаляясь, закипая, багровея лицом. – До танка добрались! Танкисты, ёлки зелёные! Штаны снять да ремнём! Да чтобы сесть неделю не смогли!

– Какого танка? – обмякла Ефросинья Ивановна.

– Так в Янченках, на горе. Немецкий «Фердинант». Дулом как раз на Клюшово!

– Заряженный? – спросила чуть слышно, сама не ведая, на что надеясь.

– Что ни на есть заряженный и исправный! Так эти болваны за все рычаги дёргали, пытаясь выстрелить. Силёнок не хватило. Не то бы по Клюшово долбанули, ёлки зелёные!

Ноги у Ефросиньи Ивановны подкосились, она медленно опустилась на холодный вокзальный пол и, по-детски обхватив коленки, заплакала.

Однако предел терпения взрослых наступил лишь после истории с блиндажом.

Укрепления немцы строили так, словно готовились к ядерной войне. Толстые бетонные стены, мощные перекрытия, глубокие подземные ходы-переходы. Сдаваться русским они явно не планировали, потому и здесь, в Бычихе, недалеко от вокзала оборудовали неприступный блиндаж, который после освобождения Городка оказался бесхозным по причине полной непригодности: его затопило водой. Она никуда не уходила, вычерпать её не было возможности.

Михайлов и Хитько днями наворачивали круги, изучая вражеский объект, и уже сломали голову, изобретая способ решения водной проблемы. Когда, отчаявшись, сговорились забыть о блиндаже, Юрку осенило:

– Ваня, я нашёл! – сиял, словно светлячок. – В лесу, за болотиной, смотри! – он торжественно выкатил из кустов ржавую бочку.

Хитько озадаченно обошёл находку, мучительно соображая, отчего друг так радуется этой дырявой посудине. Но Юрке уже не терпелось выложить все карты:

– Набьём её толом, гранатами и рванём в блиндаже! Бетон лопнет – вода уйдёт!

– Ура!!! – Ваня даже подпрыгнул от восторга. Юркина идея показалась ему гениальной.

Когда бочка была набита до отказа, мальчишки повалили её на бок, подсоединили бикфордов шнур, подожгли и катнули эту огромную самодельную бомбу в блиндаж.

Землю вместе с деревней, лесочком, железной дорогой трянуло так, что не уцелело ни одного окна, стёкла осыпались, как ноябрьские листья. Сажистой тучей повалил дым, плотно заволакивая небо, словно внезапная ночь накрыла сведённую судорогой Бычиху.

Но блиндаж устоял. Ни трещинки! Хотя вода из него исчезла.

Три дня Ваня Хитько отбывал железнодорожный «арест» в подвале. Правда, не в темноте. Свет для него провели – сжалились. Маленький, щупленький, точно общипанный воробышек. Как не пожалеть?

Когда ещё семи ему не исполнилось, Антонина повела брата в школу, где училась сама, к директору Сидоренко. Пётр Яковлевич рассмеялся:

– Какой же ему первый класс? Сам махонький, да и годков мало.

– Возьмите, очень прошу! – взмолилась девочка, да так серьёзно, словно не сестра она, а мать родная. – Он же по вокзалу целый день – с винтовкой! От нечего делать. Пока мамка с папкой с работы не вернутся или я из школы, без присмотра болтается. А так – будет при деле. И я рядом.

Воспоминания настолько ярко всплыли перед глазами, что Антонина едва не расплакалась, как тогда в кабинете Петра Яковлевича. Раздражение, обида на брата, что не уберёт малыша, сломал коляску, мгновенно исчезли. Она обняла Ваню, ласково потрепала по запылённой шевелюре.

– Налей в тазик воды горячей, ополоснись! – приказала строго. – Попрошу Толика, чтобы завод тебе показал. Увидишь, как работают настоящие мужчины.

Перед грандиозностью металлургического с его огненными цехами померкли даже дымящиеся терриконовые вулканы. Королевство огня и расплавленного металла ошеломило. Он смотрел на разъявленную печную пасть и, словно замороженный, не мог отвести взгляда. Было удивительно, как эти люди, управляющиеся с пылающими ковшами, не вспыхивают, не сгорают щепками. Искры огненными мухами разлетались по цеху и осыпали рабочих, прожигая робы и специальные рукавицы, оставляя на коже неисчезающие следы. «Вот откуда на лицах эти чёрные точки!» – догадался Ваня.

Непонятная сила притягивала его всё ближе и ближе к огню. Глаза полыхали отражённым пламенем. Жар обдавал щёки, лоб, глаза, руки.

– Уйди! Уйди! – закричал сталевар, но голос потонул в гудящем стоне печи.

Толик схватил Ивана за руку.

– Впечатлён? – гордость переполняла его, а покрасневшее лицо сияло, как начищенная скоророда. Можно было подумать, что он не год назад переехал в Макеевку, а родился прямо на заводе.

Заметив крутящийся барабан, на который наматывался раскалённый красный провод, Иван остановился как вкопанный. Разве человек всемогущ? Как можно было подчинить себе и огонь, и металл? Мощь! Стихия! А ими управляет рабочий! Да, он защищён особой спецовкой, но она, хоть и жароустойчивая, всё равно уже словно сито, в мелких дырочках, прожжённых огненными мухами. И печное пламя бешено пляшет в чёрных стёклах огнеупорных очков. Рабочий с багрово-тёмным, вечно закопчённым лицом, несомненно, виртуозный мастер металлургических дел, но кажется, что вот-вот он вспыхнет сам. Только нет, нахлебается воды из ведра и снова, обливаясь потом, повелевает огнём и железом. И они слушаются его! А может, это и не человек вовсе, а могучий сын царя богов Зевса – Геракл?

Барабан крутился и крутился, раскалённый провод, наматываясь, таинственно сверкал, словно приручённая молния. Хитько шагнул ближе: если нельзя потрогать, так хоть рассмотреть.

В одно мгновение неведомая сила свалила его на пол и поволокла. Огромный вентилятор, будто чудовищный паук-великан, жадно всасывал беззащитную жертву...

Когда опасность миновала, Максимов перевёл дух и набросился на шурина:

– Ваня, без приключений никак не можешь? Хоть объясни: ты за ними или они за тобой – по пятам?

– Волков бояться – в лес не ходить, – заторможенно промямлил спасённый.

Продолжение в следующем номере

